

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
<https://elibrary.ru/CCNSLL>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2023. В. Г. Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН

за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661

*«Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами.
1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>*

Аннотация: Автором статьи проводится анализ переписки Толстого и Чичерина, описываются взаимоотношения корреспондентов, объясняется проблема мировоззренческого столкновения двух видных деятелей русской культурной и общественной жизни второй половины XIX в. Внимательное изучение писем в их хронологической последовательности позволяет проследить за развитием диалога и полемики Толстого и Чичерина, уяснить внутренние мотивы, которые двигали каждым из них. По мнению автора статьи, более всего разделяли корреспондентов их полусные взгляды на роль и значение государства, права, нравственности и религии в жизни общества и человека. Одной из причин постепенного охлаждения Толстого и Чичерина друг к другу стало желание обоих в реализации собственной миссии духовного наставничества: и Толстой, и Чичерин хотели стать «учителями человечества».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Б. Н. Чичерин, переписка, корреспонденты, духовное наставничество, полемика, государство, либерализм, самовыражение.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 24.01.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 21.02.2023

Дата публикации статьи: 25.03.2023

Для цитирования: Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Valeria G. Andreeva
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

“Dear Friend... Do not be Angry for Frankness!”: Correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 “Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s” (<https://rscf.ru/project/23-28-00661/>).

Abstract: The author of the article analyzes the correspondence between Tolstoy and Chicherin, describes the relationship of the correspondents, explains the problem of the worldview clash between two prominent figures of Russian cultural and public life in the second half of the 19th century. A careful study of the letters in their chronological order makes it possible to follow the development of the dialogue and polemics between Tolstoy and Chicherin, to understand the inner motives that moved each of them. According to the author of the article, the correspondents were most divided by their polar views on the role and importance of the state, law, morality and religion in the life of society and man. In addition, one of the reasons for the gradual cooling off between Tolstoy and Chicherin was the ardent desire of both to realize their own mission of spiritual mentoring: both Tolstoy and Chicherin wanted to become “teachers of mankind.”

Keywords: L. N. Tolstoy, B. N. Chicherin, correspondence, correspondents, spiritual guidance, controversy, state, liberalism, self-expression.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: January 24, 2023

Approved after reviewing: February 21, 2023

Published: March 25, 2023

For citation: Andreeva, V. G. “Dear Friend... Do not be Angry for Frankness!”: Correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>

Переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина, которая происходила между ними с весны 1858 г. по конец 1861 г., содержательна и многогранна. Она является прекрасной иллюстрацией взглядов обоих корреспондентов, позволяет оценить взаимоотношения знаменитого классика русской литературы и известного общественного деятеля-правоведа, лучше понять особенности двух выдающихся современников, тянувшихся друг к другу, но быстро отказавшихся от возможной дружбы, разошедшихся в разные стороны.

В литературоведении взаимоотношениям Толстого и Чичерина до сих пор не было уделено пристального внимания. Отдельные факты и события, касающиеся взаимного интереса и постепенного охлаждения друг к другу Толстого и Чичерина, были представлены Н. Н. Гусевым в «Материалах к биографии Л. Н. Толстого» [Гусев]. Однако Гусев намечает лишь общую канву взаимодействия писателя и правоведа, не рассматривая глубинные смыслы этого общения, влияния Толстого и Чичерина друг на друга. В юбилейном сборнике 1928 г. «Письма Толстого и к Толстому» опубликованную переписку писателя с Чичериным предваряет небольшая статья Н. Мендельсона — в ней верно, но очень лаконично обозначены акценты взаимоотношений двух современников. В 2020 г. вышла статья К. Г. Прончева «Чичерин и Толстой: два взгляда на соотношение права и нравственности» [Прончев 2020]. Эта работа раскрывает лишь некоторые аспекты воззрений интересующих нас корреспондентов. К. Г. Прончев отмечает, что «разобщение Чичерина и Толстого в вопросе соотношения нравственности и права было лишь отдельным элементом глобальной противоположности в мировоззрении двух мыслителей» [Прончев 2020: 338].

В задачи данной статьи входит анализ переписки Толстого и Чичерина, описание их взаимоотношений, а также объяснение проблемы мировоззренческого столкновения двух видных деятелей русской культурной и общественной жизни второй половины XIX в. Целост-

ный и сопоставительный анализ разных писем в их хронологической последовательности позволит нам проследить за развитием диалога и полемики Толстого и Чичерина, уяснить внутренние мотивы, которые двигали каждым из них.

Несмотря на значительное количество как мемуарной, так и научной литературы о жизни и творчестве Толстого, его переписка с Чичериным позволит нам обозначить некоторые новые грани анализируемых отношений, подчеркнуть отдельные стороны личности великого писателя. На Чичерина до сих пор часто смотрят как на бесстрастного консерватора, человека максимально правильного и сдержанного — мы постараемся показать, что в общении с Толстым, пусть и не всегда решительно, проявлялась скрытая сторона натуры Чичерина: его горячность, упорство и прямолинейность.

Чичерин, как и Толстой, не нуждается в представлении образованной аудитории. Н. В. Медведев отмечает, что Чичерин, «пожалуй, единственный из русских мыслителей XIX в., кто столь твердо, систематически и неотступно отстаивал в своих работах идею человеческого достоинства» [Медведев: 109]. Чичериным был создан объемный труд — «История политических учений», в котором он сформулировал собственную философию истории, а в 1900 г. вышла его книга «Философия права» — в ней Чичерин подробно рассматривает единство нравственных и юридических законов, их тесную связь и сложную зависимость в обществе: «Нравственность требует уважения к праву, ибо она требует уважения к человеческой личности и охраняющему ее закону; но она ограничивает пользование правом» [Чичерин 1900: 188]. Ученый показывает, что нравственный закон простирается гораздо далее права, юридических обязательств, однако они регулируются двумя разными основаниями: нравственность — совестью или внутренними побуждениями человека, а право — отношениями свободы одного человека к свободе других. А. Е. Лакеев пишет, что Чичерин «создал собственную концепцию личных прав для России», «одним из первых русских либералов поставил проблему духовной, нравственной готовности народа к получению им личной свободы в широком смысле этого слова, его потенциальной возможности не только обладать, но и распоряжаться ею» [Лакеев: 73].

И. И. Евлампиев убедительно показал, что русские философы, в частности Б. Н. Чичерин, верно указали на коренные недостатки за-

падной либеральной политической модели, которые в наше время из теоретических недостатков стали «реальными факторами, обуславливающими кризис всей западной цивилизации» [Евлампиев: 91]. Ученый отмечает, что в отличие от теоретиков европейского либерализма Чичерин смог заложить особое понимание свободы в русском либерализме: «...Если в западной традиции свобода человека понималась как чисто внешнее качество, как отсутствие ограничений для произвольных (по видимости, но не по сути) действий личности, то в русской либеральной традиции свобода понимается как внутреннее, сущностное, духовное качество, наиболее полно выражающееся в акте творчества» [Евлампиев: 99]. Вторым открытием Чичерина стало «признание исходного, сущностного единства людей в рамках духовного целого национальной культуры» [Евлампиев: 99].

Толстой и Чичерин инстинктивно заинтересовались друг другом после первых встреч, причем особенный интерес к общению проявлял именно Толстой, познакомившийся с Чичериным в Петербурге, где последний защитил магистерскую диссертацию «Областные учреждения в России в XVII веке». В январе 1857 г. Толстой и Чичерин еще раз пересеклись в Москве, более близкое знакомство произвело на Толстого положительное впечатление. В письме В. П. Боткину от 29 января 1857 г. Толстой отмечал: «Познакомился я здесь лучше с Чичериным, и этот человек мне очень, очень понравился» [Толстой 60: 156].

Чичерин был всего на три месяца старше Толстого, выпускник Московского университета, ученик Т. Н. Грановского, в начале 1850-х гг. Чичерин уже был знаком со многими известными русскими писателями и общественными деятелями — И. С. Тургеневым, П. В. Анненковым, М. Н. Катковым, К. Д. Кавелиным и др. Именно в конце 1850-х и начале 1860-х гг. складывались и окончательно оформлялись научные и общественно-политические взгляды Чичерина как человека и ученого — историка, философа, правоведа. Толстой в январе 1858 г. внимательно прислушивался к словам Чичерина на вечерах в гостиных — по всей видимости, писатель сам улавливал некоторые крайности во взглядах славянофилов, которых тогда критиковал Чичерин. «Приехал Чичерин. Слишком умный. Ругал желчно славянофилов», — отметил Толстой в дневнике 24 января 1858 г. [Толстой 48: 5]. М. А. Можарова убедительно показала, что «после смерти Киреевского связи

Толстого со славянофильским кружком заметно ослабели» [Можарова: 288]. По всей видимости, в январе 1858 г. критика Чичериным славянофилов воспринималась Толстым как справедливая.

В 1858 г. в Москве вышел сборник Чичерина «Опыты по истории русского права», в отдельных статьях которого автор высказывал свой оригинальный взгляд на историю и современное состояние крестьянской общины, во многом противоречивший взглядам славянофилов. Г. С. Криницкая отмечает, что в отличие от славянофилов, которые видели причину, соединявшую русскую общину, «в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и не хочет признавать другого образа жизни», Чичерин определял русскую средневековую общину «как чисто поземельную, а ее назначение — как чисто финансовое, хозяйственное», а далее показывал приобретение общиной государственного значения. Свидетельством преобразования владельческой общины в государственную Чичерин считал тот факт, что «все права и новое устройство ей были даны центральной властью на основании государственных соображений» [Криницкая: 166–167].

Дневниковые записи Толстого зимы и начала весны 1858 г. часто содержат противоречивые упоминания о Чичерине: 4 февраля 1858 г. — «Чичерин несимпатичен» [Толстой 48: 6]; 12 февраля 1858 г. — «Чичерин говорил, что любит меня. Выпивши у Шевалье. Я благодарен ему и горд этим. Он мне очень полезен. Но сильного влечения еще нет к нему» [Толстой 48: 7].

По всей видимости, Толстого и Чичерина притягивало друг к другу не просто любопытство, возможный интерес хорошей и умной беседы, но своеобразное сходство и различие одновременно: оба молодых человека к 29–30 годам уже многое успели сделать, имели авторитет в обществе, но популярность и ее основание были различными — Толстой к этому времени уже был известным писателем, участником боевых действий, а Чичерин — кабинетным ученым, теоретиком, стремившимся получить кафедру Московского университета. В своих «Воспоминаниях», подчеркивая поверхностный характер знаний Толстого, Чичерин писал: «Я ввел в кружок Станкевича другого моего сверстника, с которым я в это время очень подружился, — Льва Толстого. Но он скоро отстал: серьезные умственные интересы были вовсе не его сферою. Он тогда успел уже приобрести себе громкое имя свои-

ми очерками “Детство и юность” и своими “Севастопольскими рассказами» [Чичерин 2010. 1: 298].

Впрочем, «Воспоминания» создавались Чичериным уже на закате жизни, а тогда, на рубеже своего тридцатилетия, он сам очень тянулся к Толстому: насколько можно судить, Чичерину не хватало в окружающих его людях и в собственном существовании того огня и живой жизни, которые знакомые с первого взгляда угадывали в Толстом. «Мы скоро с ним сблизились, — писал Чичерин. — Меня привлекла эта чуткая, восприимчивая, даровитая, нежная, а вместе крепкая натура, это своеобразное сочетание мягкости и силы, которое придавало ему какую-то особенную прелесть и оригинальность. Мы виделись почти каждый день, иногда ездили ужинать вдвоем и вели долгие беседы. Образования он не имел почти никакого, ничего не читал; но душа его была в то время всему открыта, и собственные его, более или менее фантастические мысли облекались в своеобразную и заманчивую форму» [Чичерин 2010. 1: 298].

Чичерин в феврале-марте 1858 г. признавался Толстому в дружеской любви и особенном расположении, Толстой, в свою очередь, извлекал пользу из общения с Чичериным, стараясь осмыслить и в некоторой степени перенять его системный и строго логичный ход мысли. Н. Н. Гусев пишет, что «польза», «которую Толстой извлекал из общения с Чичериным, состояла в том, что из бесед с ним Толстой близко узнавал метод научного исследования, в частности, метод исторического подхода к событиям жизни человечества» [Гусев: 290]. Не получивший университетского образования, Толстой сам наверстывал программу обучения, причем достаточно хаотично, разумеется, его привлекала стройная система познаний Чичерина. Об этом писатель замечал в дневнике от 20 марта 1858 г.: «Читал Чичерина статью о промышленности Англии. Страшно интересно. С некоторого времени всякой вопрос для меня принимает громадные размеры. Много я обязан Чичерину. Теперь при каждом новом предмете и обстоятельстве я, кроме условий самого предмета и обстоятельства, невольно ищу его место в вечном и бесконечном, в истории» [Толстой 48: 10].

Однако было бы ошибкой считать, что Толстой и Чичерин в это время имели уже выстроенные миросозерцания: оба молодых человека еще выросли и искали свое предназначение, сомневались и выбирали, более того, в обоих проглядывали «черты человека переход-

ной эпохи, с характерными для нее раздвоенностью и колебаниями» [Бахрушин: 17].

Н. Н. Гусев считает, что основной причиной расхождений между Толстым и Чичериным стал религиозный вопрос, разногласия по которому намечались уже в конце 1850-х гг.: «Толстой в дневнике называет Чичерина “эллином” и несколько раз отмечает свои споры с ним о Христе и о христианстве. Чичерин, по-видимому, развивал перед Толстым ту точку зрения, что нельзя принимать на веру нравственные правила только потому, что кто-то так приказал» [Гусев: 292]. Однако вряд ли можно в данном случае согласиться с ученым, ведь отдаление Толстого и Чичерина произошло позднее, а за пару лет взгляды Чичерина на веру и религию значительно изменились. К. Г. Прончев справедливо отмечает, что на протяжении всей жизни Чичерин по-разному относился к религии, что он «окончательно поверил в существование Бога во время своего путешествия по Европе», а в целом «придавал большое значение Церкви и религиозному учению как в общественной жизни, так и в сфере познания Абсолютного» [Прончев 2017: 117].

О глубокой религиозности Чичерина в 1870-е гг. говорит его труд «Наука и религия» (1879), в котором он показывает, что философия и религия, разум и вера гармонично дополняют друг друга в жизни современного человека. Чичерин рассуждает о душе: «Если в физическом мире непосредственное действие Божества должно представляться чудом, то существует другая область, где это действие совершенно согласно с природою вещей. Эта область есть душа человека» [Чичерин 1879: 120]; он показывает, что сложность и многогранность мира невозможно объяснить только рациональными заключениями и основаниями опыта, что само явление человека в мире зависит от абсолютного Духа: «В области знания, также как и в области веры, мы не можем сказать ничего другого, как то, что от воли Божией зависит, какую душу он посылает в мир» [Чичерин 1879: 121].

И Толстой, и Чичерин прошли сложный путь сомнений, потери детской и непосредственной веры с последующим обретением убеждений о Боге и Провидении. Однако не последние, а полюсные взгляды Толстого и Чичерина на роль и значение государства и права в жизни человека разделяли двух друзей. По-нашему мнению, одной из причин последующего постепенного охлаждения Толстого и Чичерина друг к другу стало также горячее желание обоих в реализации собственной

миссии духовного наставничества: и Толстой, и Чичерин хотели стать «учителями человечества».

В апреле 1858 г. Чичерин получил трехгодичную командировку в Европу от Министерства народного просвещения. Он планировал поехать в Турин, а потом — по всей Италии, хотя сначала путь его лежал через Варшаву и Вену. Толстой был в курсе намечаемой заграничной поездки Чичерина, сам он 9 апреля 1858 г. выехал из Москвы в Ясную Поляну, а 13 апреля 1858 г. написал Чичерину. Уже первое письмо Толстой начинает с указания на недолговременность идей, которые связывают его с Чичериным. Зная суть всей грядущей переписки, можно сказать, что это письмо содержит ключевой акцент всего последующего общения — постепенный отказ Толстого от рациональных доводов: «Все те мысли, которые я хотел сообщить при нашем прощании, разлетелись, оселись, и из них осталось то, что ты, я думаю, знаешь, то, что в последнее время я тебя искренно любил и что этим обязан тебе» [Толстой 60: 258]. Рассуждения Толстой заменяет чувствами. Более того, он метафорически описывает скудость и сдержанность душевных колебаний Чичерина: «По твоему это всё ничего, ты свой термометр завесил до того высшего пункта, до которого раз доходила температура жизни, и ниже этого не хочешь его изменений. — Как ни широк твой взгляд в мире действительном, здесь, в душевном, он ужасно узок; а мой термометр попрыгивает себе то вверх, то вниз, и я радуюсь, глядя на него» [Толстой 60: 258].

Примечательно, что Толстой не раз писал в дневнике о душевной узости Чичерина, под которой он понимал неготовность последнего к яркой и экспрессивной реакции: 16 марта 1858 г. «Дома больной. Один Чичерин. Страшно узок, зато силен» [Толстой 48: 9]; 30 марта 1858 г. «Чичерин не очень симпатичен и узок» [Толстой 48: 11]. Между тем, обозначаемая Толстым узость была, насколько можно судить по работам, воспоминаниям и письмам самого Чичерина, лишь внешней сдержанностью, характерной для серьезного ученого, приучившего себя к размеренности. Чичерин ответил Толстому 18 апреля 1858 г. еще из Москвы: в этом письме он отмечает полное сближение с Толстым, произошедшее несмотря на все препятствия, создаваемые характером Толстого, «который дичится и пятится от чуждого прикосновения» [Письма: 264]. Признание собственного интереса к личности Толстого Чичерин пояснил рассказом о своей внешней и душевной

жизни. По словам Чичерина, разумное в нем не столько потянулось к Толстому, сколько бессознательное. В ответ на замечания Толстого об узости, Чичерин описательно передает сложность собственной природы, в которой высокая душевная жизнь часто спрятана под спудом внешних факторов. Чичерин выезжал из Москвы 25 апреля и собирался сначала заехать к брату, секретарю русского посольства в Турине — Василию Николаевичу Чичерину, который в 1853–1969 гг. был сотрудником российских дипломатических миссий в Рио-де-Жанейро, Мюнхене, Турине и Париже.

Письмо Чичерина от 18 апреля Толстой получил 21 апреля и в этот день записал в дневнике: «Письмо от Чичерина. Что-то не то. *Petit, mon Prince*. Лил в него все накопившие чувства, через него скорей» [Толстой 48: 13]. По всей видимости, Толстой планировал найти в Чичерине такого друга, который бы в большой степени мог говорить с ним о нем самом, о волнующих его проблемах и предположениях, а не высказывать свои мысли и чувства, нередко полюсные толстовским. О. В. Морова отмечает: «Толстой, жадно изучавший жизнь и себя и других в ней, как “живому источнику” припал к личности Чичерина. Он ожидал понимания, сопереживания своим сомнениям, думам, страстям. Но встретил бесстрастную, нетерпимую к чужим мнениям и идеям личность с догматическим складом ума» [Морова: 66]. По нашему мнению, можно согласиться лишь с первой частью высказывания исследовательницы: разумеется, Толстой жаждал понимания со стороны Чичерина, однако причина столкновения была не в сухости и бесстрастности последнего, а в том, что оба корреспондента тяготели к выражению себя, оба стремились поделиться найденным или посоветовать на сложности, но не выслушивать другого и вникать в тонкости его переживаний и ощущений. Толстой ждал от Чичерина рассуждений о его, *толстовской* душевной широте и открытости, вопросов о делах в деревне и том особенном счастье жизни, которое открывалось писателю. Но Чичерин разочаровывал Толстого: он писал об их взаимоотношениях, а больше — о себе, о собственных состояниях. Однако это отнюдь не означает, что Чичерин был не способен к пониманию и сопереживанию, бесстрастен и сух. В. В. Зеньковский писал: «Внутреннее равновесие, спокойствие, уравновешенность Чичерина всегда оставляли у современников впечатление какого-то бесстрастия и бесчувственности, но на самом деле, как это особенно видно по “Воспоминаниям”,

натура у Чичерина была горячая, пламенная. Он умел глубоко и даже страстно чувствовать, но внутренняя уравновешенность постоянно как бы закрывала эти движения души. Поэтому его постоянно не понимали или понимали превратно» [Зеньковский: 579]. Как будущий профессор и научный сотрудник Чичерин пытался вывести Толстого к более упорядоченному и стройному, логичному общению, не случайно оба корреспондента периодически оговаривались об упорстве и упрямстве друг друга.

Уже обозначенный нами первый случай неоправданных ожиданий Толстого заставил его на время отвернуться от Чичерина: по всей видимости, он искал друзей, готовых исключительно к признанию его уникальности, ожидал от новой дружбы максимальной отдачи. На письмо от 18 апреля 1858 г. Толстой Чичерину не ответил, как не ответил и на последующее его послание от 2 мая из Варшавы (в нем Чичерин рассказывал о собственном переезде за границу в компании случайной попутчицы, вдовы генерал-лейтенанта и сенатора Лощкарева (Лашкарева) Григория Сергеевича) [Письма: 267–270].

Не получив ответа от Толстого, Чичерин в письме от 19 июня (1 июля) высказал ряд предположений о длительном «молчании» Толстого, обратился к подробному описанию начала своего путешествия и впечатления от Европы: Чичерин писал, что еще не мог смириться с переездом и ощущением себя совершенно в другом мире, отличном от русского, а при этом восхищался удивительными видами Дожского дворца, Лестницы великанов и Миланского собора. «Но я уже, вероятно, надоел тебе своей особой», — писал Чичерин в последнем абзаце своего письма [Письма: 272]. По всей видимости, эта оговорка или это предположение были во многом справедливы.

Толстой ответил Чичерину письмом от 21–23 августа 1858 г. Нельзя исключать, что в предполагаемой реакции Чичерина, которую рисует в начале письма Толстой, отражаются его собственные чувства: «Ты, я думаю, злился и уже перезлился на меня, так что письмо это застанет тебя равнодушным, это бы было мне очень, очень больно. Впрочем тебя не угадаешь, ты субъект странный» [Толстой 60: 272]. В оправдание собственному «молчанию» Толстой рассказывает о поглотившем его полностью увлечении сельским хозяйством, пишет он и о недостатке «умственных волнений и восторгов» — вероятно, не в угоду Чичерину, а в связи с действительным недостатком. Далее Толстой ис-

кренне и достаточно подробно сообщает о честном мирке, который у него получилось построить среди всей окружающей мерзости и лжи (этот мирок Толстой выстраивал в Ясной Поляне, упорно сражаясь с не понимавшими его мужиками), восхищается перепиской Станкевича. Данное августовское письмо Толстого содержит множество противоречивых чувств. Первостепенны, как и прежде — желание показать собственные успехи и передать их глубинный смысл, масштаб тех усилий, которые ему пришлось потратить, чувствуется здесь и необходимость одобрения и поощрения. В восхищении перепиской Станкевича, а также в финальном сравнении внутреннего душевного мира Чичерина и своего собственного вновь ощущается толстовское стремление выразить себя, найти того человека, которому он будет интересен: «Тебе тесно, а мне широко, всё широко, всё не по силам, не по воображаемым силам. Истаскал я себя, растянул всё, а вложить нечего» [Толстой 60: 273]. Кроме того, в этом откровенном письме поставлены философские вопросы о смысле жизни и человеческом предназначении, Толстой пишет о смерти, о крае бездны. Конечно, эти тяжелые впечатления были связаны как с душевным одиночеством писателя, с жизнью в деревне, так и с творческим кризисом. Н. Н. Гусев отмечает, что мрачное настроение Толстого доходило даже до боязни смерти, хотя писатель чувствовал себя в то время совершенно здоровым [Гусев: 303].

23 ноября (5 декабря) и 5 (17) февраля Чичерин написал Толстому два письма из Ниццы — ответ Толстого из Москвы, о котором упоминает Чичерин, неизвестен, однако, судя по письму Чичерина, можно понять, что Толстой сообщал в нем об истории с медведицей, во время охоты напавшей на него, о поездках в Москву. В письме от 23 ноября (5 декабря) Чичерин рассказывал Толстому о собственной хандре, вызванной тем, что вести из России не касаются значительных общественных и политических дел, а связаны исключительно с отдельными личностями: «Ни единодушия, ни энергии, ни благоразумия, а одни только личности. Все вертится на личных отношениях — и в правительстве, и в литературе, и в частной жизни. Людей, с которыми можно сойтись в общей деятельности, так мало, что приходишь в отчаяние» [Письма: 273]. Чичерин по-прежнему спасался в Европе осмотром достопримечательностей, но впечатления от Рима и свадьба брата его приободрили. Примечательны в письме от 5(17) февраля 1858 г. крат-

кие рассуждения Чичерина о слабости русского либерализма, которые он представляет при возражении Толстому и наблюдениях по поводу свободы и внутренних обязанностей человека: «...для того, чтобы быть человеком в истинном смысле, мало одних семейных добродетелей, надобно еще кой-что другое — то, что в христианском смысле называется любовью к ближнему, а в человеческом — гуманностью, человеколюбием, желанием общего блага. Это-то качество требует иногда жертв, и всякий обязан их приносить единственно потому, что он человек и живет в человеческом обществе» [Письма: 276].

Не получив ответа от Толстого, Чичерин написал ему еще одно письмо от 9 октября 1859 г., в котором рассказывал о путешествии по Швейцарии и спрашивал о реакции Толстого по поводу отдельных швейцарских мест и видов. Чичерин радостно сообщал Толстому о своей скромной, но движущейся научной работе: в Гейдельберге он слушал лекции Моля, изучал существующие новые и старые учебники, познакомился с деятелем профессорского парламента, знаменитым оратором стариком Велькером, слушал известного криминалиста Германии Миттермайера. Чичерин в то время еще не занимался естественными науками, но видел в Гейдельберге светил современного ему естествознания — Германа фом Гемгольца, Роберта Вильгельма Бунзена и Густава Роберта Кирхгофа. Кроме того, Чичерин делился с Толстым новым восприятием и одновременно приятием мира, говоря о радости жизни при условии сохранения сердечной восприимчивости.

Ответ Толстого от конца октября – начала ноября 1859 г. имеет внешний и достаточно сбивчивый характер. Тут и намерение понять и соизмерить, как они с Чичериным изменились за время разлуки, и желание пофилософствовать письменно о бессмертии души, прерванное кем-то, помешавшим Толстому. «Решительно не могу дописать, два раза перервали, а теперь надо отправлять», — писал Толстой, вероятно всего, скрывая за внешними факторами свое внутреннее беспокойство. Оно сопровождало те важные слова и признания, которые Толстой успел и смог зафиксировать в этом письме — решение бросить литературную деятельность: «Литературные занятия я, кажется, окончательно бросил. Отчего? трудно сказать. Главное то, что всё, что я делал и что чувствую себя в силах сделать, так далеко от того, что бы хотел и должен бы был сделать» [Толстой 60: 316]. Толстой писал, что

на протяжении всего времени пытался заполнить чем-то образовавшуюся в нем душевную пустоту — он то охотился, но ездил в свет, даже занялся естественными науками. В финале письма Толстой звал Чичерина в Ясную Поляну — поговорить искренне, он планировал остаться в Ясной на две зимы, хотя получилось иначе — время со 2 июля 1860 г. по 13 апреля 1861 г. Толстой провел за границей.

Письмо Чичерина от 5/17 декабря 1859 г. — это первое из всех посланий его Толстому, направленное на размышления о жизни и деятельности самого писателя. Чичерин недоумевает по поводу того, что Толстому в деревне может кто-то мешать, что Толстой не в состоянии спокойно завершить начатое письмо (о том, что его кто-то отвлекает, Толстой писал Чичерину не раз). Чичерин пытается шутить, даже просит у Толстого прощения за свой веселый тон и хорошее расположение духа. Вместе с тем, он серьезно настраивает Толстого на выбор конкретного и целенаправленного пути, просит не бросать творчества, но при этом дать себе время для восстановления духовного мира: «Это твое дело, и ты за него опять примешься непременно, когда накопится материал и все в душе устроится, как следует. Бросить же на время я вообще считаю очень полезным и потому сам следую этой системе» [Письма: 280]. Письмо Чичерина написано в тоне дружеского совета и наставления более опытного и старшего товарища: с легкостью путешественника Чичерин советует Толстому изменить свою жизнь, посмотреть Европу, самое главное — «не зарываться в деревню»: «Только, ради Бога, не зарывайся в деревню; там ты не выйдешь из ограниченной сферы понятий и предметов, тебя легко может одолеть русская лень, а чего доброго, ты, пожалуй, опять построишь себе со временем дом из халата. Нет, душа моя, брось эту мысль, решительно брось. А скопи себе деньжонок, возьми заграничный паспорт и отправляйся прямо в Италию. Оно и дешево и сердито. Я это испытал на себе, а потому смело могу подать тебе благой совет» [Письма: 280]. Образ «дома из халата» тут не случаен. В «Воспоминаниях» Чичерин отмечал, как временами на молодого Толстого находило непреодолимое упрямство в достижении абсурдных целей и представлений, определении жизненного пути. Чичерин считал прямолинейное упорство Толстого и радикальное отрицание им всех идей, противоречащих какой-либо одной задумке, ключевой негативной его стороной, которая с возрастом становилась только сильнее. Чичерин писал: «Он сам и его

близкие рассказывали мне со смехом, что с самой ранней молодости на него по временам находила разная дурь. Вдруг он вообразил себе, что человеку ничего не нужно, устроил себе халат, который служил ему единственной одеждою и жилищем, и жил, как Диоген. Затем эта дурь проходила и являлась какая-нибудь другая, которой он держался так же упорно, как и первой» [Чичерин 2010. 1: 301].

Письмо Чичерина было искренним и честным, но написанным свысока. Не зная реакции Толстого на это письмо, сложно представить, чтобы послание Чичерина могло так задеть и разозлить его. Еще не получив резкого ответа Толстого, Чичерин написал ему следующее письмо — уже не из Европы, а из своего потомственного имения Караул, куда Чичерин уехал в связи со скоропостижной кончиной отца. Смерть отца, слепота матери, тяжелые дни после приезда, неустроенность и неорганизованность русской жизни, особенно заметные после путешествия по Европе, были отчасти скрашены для Чичерина теплым приемом родных и московских знакомых. Встреча с университетскими товарищами живо напомнила Чичерину его цель — получение кафедры Московского университета, в связи с этим он безоговорочно решил мудро использовать еще год европейской стажировки: «Мне необходимо еще год провести во Франции и в Англии. Тогда только я могу хотя сколько-нибудь порядочно подготовиться к кафедре. Это будет опять трехнедельное путешествие» [Письма: 282].

Ответ Толстого от 1 марта 1860 г. оказался не просто резким, но пронизанным обидой и болью. В следующем письме от 5 апреля 1860 г. Толстой сожалел, что отправил Чичерину предыдущее письмо и просил его забыть о получении такого послания. Толстой понимал, что слишком «перегнул», чрезвычайно сильно сосредоточился на себе и собственных делах и амбициях. Чтобы несколько «загладить» негативное впечатление от прошлого письма, он собирался заехать к Чичерину в Караул и вновь приглашал его в Ясную Поляну. Между тем, письмо Толстого от 1 марта 1860 г. значительно отдалило друзей: этого послания не мог забыть не столько Чичерин, сколько сам Толстой. Последний назвал советы Чичерина «избитыми пошлостями», открыто негативно охарактеризовав деятельность самого Чичерина: «Как ни мелка и ложна мне кажется твоя деятельность, я не подам тебе советов...» [Толстой 60: 327]. Толстой писал Чичерину об ошибках, о непозволительных промахах зрелого возраста, когда «шлянье вне дома,

или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно» [Толстой 60: 327]. Под «шлянем вне дома» Толстой, конечно же, имел в виду европейские поездки Чичерина, а под «писаньем повестей» — собственную работу литератора, которую он, как считал в это время, уже оставил позади. Этим иллюзорным и эфемерным делам Толстой противопоставлял свое новое занятие — организацию школы в Ясной Поляне: весной 1860 г. Толстой серьезно начал заниматься обучением детей и взрослых крестьян, со своей увлеченностью писатель готов был посвятить этому делу всю жизнь, обосновывая необходимость просвещения народа. Примечательно, что в письме от 1 марта Толстой писал не только о самообольщении художников, но и об эксплуатации чужого труда — эта тема станет ведущей в публицистике позднего Толстого: «Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их — скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость, которой я слишком много видел вокруг себя мерзких примеров, чтобы не ужаснуться, и, которой ты, обдумав дело и любя меня, не можешь допустить» [Толстой 60: 327].

Между тем, жизнь и история показали, что в этом случае Чичерин был прав: Толстой не смог посвятить всего себя педагогике, помощи народу — его призванием было художественное творчество. В «Воспоминаниях» Чичерин писал: «Я старался убедить его, что, когда человеку дан от природы решительный талант, от литературной деятельности отказываться не следует. Но это его только рассердило. На него, бывало, найдет какой-нибудь стих, и он вдруг начинал самые простые и естественные вещи находить гадкими и мерзкими. Но скоро эти случайные вспышки проходили, и снова водворялось обычное благодушие» [Чичерин 2010. 1: 301]. Несмотря на образованность Толстого, массу прочитанных им книг, его живой ум, знание языков, писателя больше привлекала обыкновенная, рядовая жизнь — при всей усидчивости и занятиях литературных трудом, журналами, школой, Толстой все-таки чуждался научных теорий и миновал систематическую научную работу, которой так дорожил Чичерин. Писатель не был склонен к теоретизированию и абстрактному представлению о вопросах — очень хорошо это заметно на примере его автобиографических героев, особенно Константина Левина. Мы уже писали о том, что, к примеру, «в разговоре с приятелем Катавасовым и известным Метровым Левин

отстаивает не систему социально-политических взглядов, а свое понимание земельного вопроса: "...Он продолжал излагать свою мысль, состоящую в том, что русский рабочий имеет совершенно особенный от других народов взгляд на землю. И чтобы доказать это положение, он поторопился прибавить, что, по его мнению, этот взгляд русского народа вытекает из сознания им своего призвания заселить огромные, незанятые пространства на востоке"» [Андреева: 214]. Прямолинейность героя, не желающего слышать замечания и уточнения, сродни упорству самого Толстого, которое отмечали в нем многие современники.

2 июля 1860 г. Толстой вместе с сестрой Марией Николаевной выехали на пароходе «Прусский орел» из Петербурга в Штеттин. Болезнь брата Николая задержала Толстых в Гиере, где Н. Н. Толстой скончался 20 сентября 1860 г. Судя по ответным письмам Чичерина, Толстой после смерти брата просил его порекомендовать художника и скульптора, который сделал бы по посмертной маске бюст Н. Н. Толстого. За границей Чичерин помогал Толстому с отправкой в Россию покупаемых им педагогических книг — проблемы досмотра на границе всей печатной продукции побуждали Толстого искать особых договоренностей при пересылке. Зная о правилах строгой проверки книг, Чичерин отправил посылку Евграфу Петровичу Ковалевскому (1790–1867) — с 1856 г. — попечителю Московского учебного округа; с 1858 по 1861 гг. — министру народного просвещения. Договоренность об отправке книг была установлена между Толстым и Ев. П. Ковалевским в августе 1860 г., когда Толстой «приобрел в Киссингене целый ряд книг по педагогике и, кроме того, через комиссионера выписал некоторые педагогические издания из Америки» [Гусев: 371]. Еще в августе 1860 г. Толстой направил книги в адрес Министерства народного просвещения, «написав министру письмо, в котором извинялся за то, что без разрешения дал адрес Министерства, и просил сохранить эти книги до его возвращения в Россию» [Гусев: 371]. Евграф Петрович Ковалевский, хорошо знавший о педагогической деятельности Толстого, ответил, что не видит никаких препятствий для отправки книг и рад оказать содействие в общем деле.

Взгляды на Европу и задачи пребывания за границей у Толстого и Чичерина решительно различались. Чичерин недоумевал по поводу желаний Толстого как можно скорее осмотреть все нужные ему

примеры европейских школ, чтобы оперативно возвратиться домой. Не понимал Чичерин и спешных выводов Толстого о странах и традициях, привычках европейских народов, которые делались писателем на основании интуиции и кратковременных наблюдений. Так, Чичерина поразили толстовские пренебрежительные суждения об Англии (письмо Толстого не сохранилось, но его содержание понятно по ответному письму Чичерина от 22 марта 1861 г.): «Насчет твоих английских впечатлений скажу тебе, что ты судишь слишком скоро и легко. Как ты картины смотришь на лету, чего я не могу забыть, так ты и наблюдаешь на лету» [Письма: 285]. Пример с наблюдением Толстым картин и его ориентацией исключительно на собственный вкус Чичерин приводит в «Воспоминаниях»: «Я начинал тогда составлять собрание гравюр старинных мастеров и показывал ему свои приобретения. Рембрандтами и Дюрерами он восхищался; но Марк Антониев он презрительно отбрасывал в сторону, уверяя, что вся итальянская школа совершеннейшая дрянь. Ему не приходило в голову, что вкус его может быть неверен, что он может ошибаться, и что для произнесения приговоров нужно кой-чему поучиться» [Чичерин 2010. 1: 301–302].

В марте 1861 г. Толстой уехал в Брюссель для ознакомления с местными школами, он почти каждый день писал Чичерину в Париж, а последний отвечал. Сейчас мы располагаем только письмами Чичерина, но благодаря им можем осмыслить всю переписку. По сравнению с предыдущими посланиями в этих ежедневных письмах Чичерин гораздо меньше внимания уделяет описанию своей европейской жизни. Набравшийся опыта ученый незаметно, а может быть и непроизвольно все более начинал наставлять и учить Толстого. В письме от 10 (22) марта 1861 г. Чичерин отмечал, что для понимания педагогического процесса в школах важно осознать их связь с целой жизнью народа. В письме от 13 (25) марта 1861 г. Чичерин рассуждал о масштабах изучения и внушал Толстому, что для осмысления чужого нужно иногда «выйти из себя, приноровиться к другому быту, одуматься, осмотреться» [Письма: 287]. Он даже призывал Толстого к этому труду — созерцания, осмысления, прося не делать скоропалительных выводов.

По всей видимости, Чичерин понимал, что его наставнический тон и поучающая манера не нравятся Толстому, однако изменить их и перестать советовать Чичерин не мог — указание на понимаемый им порядок жизни и ход дел, на определенный императив поведения было

обязательной составляющей его опыта, фактически задачей ученого-правоведа, историка, политолога. Не случайно почти в каждом письме после уроков и советов Толстому Чичерин извиняется. В письме от 10 (22) марта 1861 г. Чичерин пишет: «Не сердись за откровенность. Я тебя люблю от души и желаю тебе всего лучшего. А потому и говорю то, что думаю и что тебе, может быть, никто другой не скажет. Прими мои мысли, как выражение дружбы и делай из них все, что тебе угодно» [Письма: 286]. 13 (25) марта 1861 г. Чичерин послал Толстому даже не одно, а два письма. В первом он объяснял ошибочность его однозначных и скорых оценок изучаемых явлений, сделанных без основательного исследования и сопоставления: «Ты задался известною мыслью, на все смотришь с одной точки зрения и потому везде видишь только себя, а не другое что. На это много времени не нужно, только это не изучение предмета. ... Условия изучения одни для всех: труд, время, обдуманность, внимательное сравнение. Если ты мне скажешь, что ты чутьем в состоянии в один день изучить полное Собрание Законов, я тебе не поверю. Когда ты мне говоришь, что ты чувством постигаешь вдруг весь характер английской жизни и истории, которой не знаешь, я думаю, что ты себя обманываешь. Это чувство возбуждается твоею же собственною, заданною наперед мыслью, которая мешает тебе даже приступить как следует к наблюдению» [Письма: 287]. Далее Чичерин приводит еще несколько понятных и известных ему примеров из личной жизни Толстого, которые должны были проиллюстрировать ошибочность его взглядов и подхода.

Второе письмо от 13 (25) марта 1861 г. Чичерин начинает с упоминания фактов, которые имеют внешний характер при сравнении с содержанием первого письма. Более того, информация об отправке Чичериным 800 франков повторяется — по всей видимости, Чичерин искал повод не столько для извинения, сколько для смягчения своего прежнего письма: «Да еще раз не сердись на меня за откровенность или если рассердишься, то скажи прямо, и я, как дети, вперед не буду» [Письма: 288]. Как мы видим, это не просьба со стороны Чичерина, а попытка направить восприятие Толстого и его оценку. Считая прямоту Толстого ограниченной и субъективной, Чичерин возражал ему с упорством ученого человека, занимавшего твердую позицию и обстоятельно изучившего все стороны вопроса. Примечательно, что после пожелания «не сердись» Чичерин вновь начинает свысока оце-

нивать Толстого, его поведение в обществе: «Твое последнее пребывание здесь меня очень порадовало. Мне казалось, что ты в отношениях своих к людям изменился к лучшему, и это же впечатление ты произвел и на других. Твоя дружелюбная простота обхождения еще более привязала меня к тебе и побудила меня говорить и писать тебе прямо то, что я думаю» [Письма: 288–289].

Разумеется, в такой ситуации столкновение и дальнейшее расхождение Толстого и Чичерина было неизбежно: каждый из них верил в свою правоту и считал малейшее отступление от собственной позиции ошибочным, ставящим под сомнение годами создававшиеся наработки и убеждения. Насколько можно судить по ответам Чичерина, Толстой, скорее всего, выражал в письмах недовольство категоричными замечаниями собеседника. В послании от 16 (28) марта 1861 г. Чичерин упоминает об опасении, что его прежние послания могли негативно повлиять на впечатления Толстого, и вновь переходит к обсуждению ошибочного «упорства ума», к недостаткам своего друга: «Я тебя полюбил от души, со всеми твоими недостатками, которые есть у всякого человека, и не возмущаюсь ими, даже если бы я сам становился их жертвою» [Письма: 289]. Постоянно анализирующий, поучающий тон Чичерина не могли скрасить ни пояснения, ни сердечные обращения к Толстому: «Не сетуй же на меня, душа моя. Обнимаю тебя» [Письма: 289] или «Прощай же, душа моя, будь здоров и счастлив и не лишай меня своей дружбы» [Письма: 289].

18 апреля 1861 г. Толстой выехал из Веймара в Дрезден, где получил два письма от Чичерина. Н. Н. Гусев пишет: «Здесь он нашел два письма Чичерина, в которых Чичерин свысока читал ему наставления по тем вопросам, по которым Толстой в письмах к нему из Брюсселя высказывал свои задушевные мысли. Эти письма Чичерина возмутили Толстого. Он тут же набросал ему ответ, в котором объявлял о разрыве дружеских отношений» [Гусев: 428].

Ответ Чичерину Толстой писал 6 (18) апреля 1861 г., в этот же день он отметил в дневнике: «Чичерин противен страшно» [Толстой 48: 35]. По всей видимости, сразу два «наставнических» письма Чичерина так рассердили Толстого, что он не мог не написать в ответ горячего и страстного послания, иллюстрирующего их глубинное расхождение. «Мы играли в дружбу», — писал Толстой, рассуждая далее о взаимном презрении им самим и Чичериным склада ума и убеждений друг друга:

«Тебе кажется увлечением самолюбия и бедностью мысли те убеждения, которые приобретены не следованием курса и аккуратностью, а страданиями жизни и всей возможной для человека страстью к отысканию правды, мне кажутся сведения и классификации, запомненные из школы, детской игрушкой, неудовлетворяющей моей любви к правде; поэтому лучше нам разойтись и каждому идти своей дорогой, уважая друг друга, но не пытаясь войти в те близкие отношения, которые даются только единством догматов веры, т. е. тех оснований, которые уж не подлежат мысли» [Толстой 60: 380].

Как и Чичерин ранее, Толстой не преминул выразить собственное презрение по отношению к собеседнику и корреспонденту, не оценившему его «дело жизни», которым в это время писатель считал открытие школ для народа. Самовозвышение Толстого в письме было обозначено через указание на то, что он уже давно оставил позади те позиции, на которых находится Чичерин. При этом дорогу, по которой шел Чичерин, Толстой назвал соблазнительной и битой. В рассуждениях писателя о взаимных различиях первостепенную роль играет пример дел обоих: написание статьи как *абсолютно бесполезное дело* противопоставляется Толстым *реальной деятельности*: «...Посадить дерево можно и выучить плести лапти наверно можно» [Толстой 60: 380].

Скорее всего, и дружба, и взаимное общение двух выдающихся современников прекратились бы сразу, если бы Толстой отправил это письмо Чичерину. Однако 19 апреля 1858 г. писатель зафиксировал в дневнике: «Написал и послал письмо немца и тетиньке. Чичерину не послал» [Толстой 48: 35]. Несмотря на тот факт, что решающего объяснения между корреспондентами не произошло (ни при личной встрече, ни в переписке) общение постепенно стало сводиться к минимуму. Чичерин написал Толстому из имения «Караул» по возвращении в Россию — он тогда готовился стать профессором государственного права в Московском университете. Письмо Чичерин завершал рядом вопросов о делах и состоянии Толстого, отмечая, что со времени отъезда последнего из Брюсселя он ничего о нем не знает.

16 октября 1861 г., услышав о размолвке Толстого с Тургеневым, Чичерин написал Толстому краткое письмо с вопросом и просьбой пояснений — эта ситуация заинтриговала и взволновала Чичерина. Интересно, что он писал: «Каким образом два порядочных человека могут перессориться и даже дойти до дуэли, это для меня просто непости-

жимо» [Письма: 292]. Учитывая анализируемую нами переписку и характер Чичерина и Толстого, нельзя исключать того, что и они могли бы рассориться (пусть и не дойти до дуэли). Однако благодаря тому, что резкое письмо Толстого просто осталось неотправленным, переписка и общение бывших друзей постепенно сводились к конкретным просьбам и замечаниям. Толстой сдержанно сообщал Чичерину о своих педагогических новациях и планах, просил подыскать среди студентов возможных учителей для школ, открываемых им в Ясной Поляне и ее окрестностях. Чичерин рассказывал Толстому о московских и петербургских студенческих беспорядках, искал учителей, отправляя их потом к Толстому, сообщал краткие сведения о своей деятельности, о положении в университете, проводимых собраниях, рассуждал по поводу прочитанных им педагогических статей Толстого в журнале «Ясная Поляна».

Явных и острых столкновений между корреспондентами не возникло, но Чичерин и Толстой продолжали оставаться на разных полюсах. Лучше всего это доказывают письмо Толстого от 16 (20) ноября 1861 г. и письмо Чичерина от 24 февраля 1862 г. Толстой в указанном письме положительно отзывается о вступительной лекции Чичерина, которая была опубликована в 238 номере «Московских ведомостей» за 1861 г., однако не соглашается со взглядами Чичерина в ряде его статей, напечатанных сначала в «Московских ведомостях» и «Нашем времени», а далее вошедших в книгу Чичерина «Несколько современных вопросов» под заглавием: «Что нужно для русских университетов?». В своих статьях Чичерин возражал Н. И. Костомарову (1817–1885), профессору Петербургского университета, который считал, что отечественные университеты нуждаются в коренном преобразовании: открытых лекциях, допущении женщин до занятий. Чичерин отмечал, что университеты нуждаются не столько в радикальном преобразовании, сколько в уважении и любви [Чичерин 1862: 56]. Толстой не соглашался с Чичериным, считая, что образ университета должен быть согласован со всей иерархией образования, прежде всего — с «краеугольным камнем этой иерархии» — народными школами. Чичерин зимой 1861–1862 гг. открыто не спорил с Толстым, как и в начале переписки рассказывая о своем времяпрепровождении и делах, однако отсутствие полемики не означало приятия и согласия: «Описание твоей школы прелестно, но с твоими мыслями решительно не могу согла-

ситься. Думаю, что ты прежде всего художник, а потому жду с нетерпением твоего романа» [Письма: 296].

Чичерин справедливо считал литературное творчество основным делом Толстого: увлечение писателя народными школами, как показала действительность, было важным, но второстепенным. Между тем, жизнь по-своему «пошутила» и с Чичериным. В письме от 5 (17) декабря 1859 г. Чичерин убеждал Толстого, что из его увлечения естественными науками ничего не получится: «Ты теперь начал заниматься естественными науками. Как второстепенное дело, оно, разумеется, не дурно; но серьезного из этих занятий никогда ничего не выйдет. Ты художник, и тебе нужно образование художественное, а для этого ступай в Италию» [Письма: 281]. Между тем, после ухода из университета сам Чичерин занялся химией и биологией, разработал модель атома на основе сведений о плотности элементов в периодической таблице: Д. И. Менделеев представлял труды Чичерина и рекомендовал его к избранию почетным членом Русского физико-химического общества.

После долгого перерыва в переписке Чичерин и Толстой обменялись письмами в декабре 1877 г. В письме от 7 декабря Чичерин рассказывал о своей жизни и тяжелом времени: он из счастливого отца превратился в страдающего и измученного человека — за несколько месяцев у них с женой умерли маленькие сын и дочь. Известный ученый и профессор, волевой и уверенный в себе человек потерял на время смысл жизни. Теперь он уже не поучал Толстого, а искренне жаловался: «Скажу тебе, что можно жить без детей, но остаться без детей — это ужасно. Мы поехали за границу, не зная, куда преклонить голову, возвратились домой, но нашли одни воспоминания» [Письма 296]. Утешением Чичерину стало рождение малыша, из-за которого, как он писал Толстому, семье страшно было жить в деревне, без врачебной помощи. В этом же письме Чичерин сообщал, что пересмотрел их прежнюю переписку, называл письма «теплыми, дружескими» — по всей видимости, в этот период жизни Чичерину очень не хватало реальной поддержки близких людей, друзей. Толстой ответил Чичерину через три дня — сопереживал и сочувствовал по поводу умерших детей, радовался появившейся надежде, а при этом замечал: «...Но моя судьба с тобой спорить» [Толстой 62: 358]. Толстой возражал по поводу необходимости жизни в городе: «В деревне доктор далеко, но Бог го-

раздо ближе, чем в городе» [Толстой 62: 358]. Завершая письмо, Толстой гордился семейной жизнью, детьми — тем, что проходило мимо профессора Чичерина — и отчасти торжествовал, «обыгрывая» своего давнего оппонента: «Я пишу тебе из родильной комнаты жены, которая 5-й день как родила мальчика, счетом 9-го ребенка, из которых 6 живы и старший уж говорит басом и переводит Цицерона» [Толстой 62: 358].

В письмах от мая 1878 г. и мая 1879 г. Чичерин писал Толстому о своем намерении побывать у него, которое вынужден был откладывать сначала в связи с подготовкой книги, позднее — из-за личных дел и переездов.

Но, пожалуй, нигде так хорошо и ярко не выразилась разница оснований веры и убеждений Толстого и Чичерина, как в письмах, обращенных к государю. 10 марта 1881 г., через девять дней после убийства императора Александра II, Чичерин через К. П. Победоносцева направил императору Александру III записку с говорящим названием «Задачи нового царствования». Чичерин пишет сначала о страшной катастрофе, которой завершился путь царя-освободителя, он констатирует сложную ситуацию в русском обществе, вызванную спешностью произошедших перемен, отсталостью и неграмотностью народа, кризисными состояниями Европы, на которую ориентировалась Россия. Чичерин разыскивает *лекарство* от разлада: «Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы...» [Чичерин 1923]. И лучшим лекарством он считает сильную общественную власть в виде живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим элементам и для внесения порядка в русскую землю: «Надобно создать орган, в котором могла бы вырабатываться общественная мысль и общественная воля...» [Чичерин 1923].

Письмо Александру III в марте 1881 г. написал и Толстой, который с 8 по 15 марта 1881 г. создал несколько различных редакций этого письма (но само послание осталось неотправленным). Примечательно, что Толстой (как и Чичерин) писал императору о *болезни общества*, только вот методику лечения предлагал фактически противоположную: если Чичерин выступал за сильную государственную власть,

поддерживаемую и направляемую серьезным выборным органом, то Толстой предлагал отказаться от государственных законов, подчинив их единственно верному Божественному закону и установлению. Толстой предлагает новое средство, еще не испробованное, которое будет состоять не в стеснении, ссылках, казнях или, наоборот, даровании определенных свобод, а в сострадании и милосердии (писатель просил императора помиловать убийц его отца): «Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только закон Его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Во имя Бога и исполнения закона Его не может быть зла» [Толстой 63: 49].

Чичерин думал над созданием нового государственного органа, который должен был бы способствовать сближению власти и народа, а Толстой предлагал совсем отказаться от государственной системы управления: он считал, что и государство, и право являются пережитками тех времен, когда люди не могли прозреть единый и вечный данный им закон Бога. Толстой был убежден, что преобразование возможно только тогда, когда на место юридических законов встанут пусть не регламентированные официально, но четкие православные каноны. Чичерин, конечно, разделял иную точку зрения. В. М. Лобеева справедливо отмечает, что «существенным элементом в позиции Чичерина представляется и то, что он, признавая важную роль религии в обществе, однозначно высказывается против ее вмешательства в самостоятельное развитие светских элементов жизни. Ученый считает недопустимым и даже опасным явлением такое состояние социума, когда Церковь активно включается в политическую жизнь. Тем самым религия и Церковь втягиваются в борьбу человеческих страстей и теряют свою истинную духовную сущность и предназначение» [Лобеева: 63].

После 1879 г. переписка Толстого и Чичерина приостановилась на 10 лет. Толстой написал Чичерину только в июле 1890 г., выражая похвалу его брошюрам. 8 августа 1890 г. Чичерин отвечал проникновенным письмом, более похожим на воспоминание о настоящей жизни: он рассказывал о своем отношении к крестьянам, пытался наполнить послание глубоким душевным содержанием, но выходило печальное признание: «На старости лет, единственное удовольствие, которое я еще испытываю, состоит в чтении старых писем и записок» [Письма: 303].

За полтора месяца до смерти Чичерин написал Толстому последнее письмо: жаловался на тяжелые недуги и болезни, на стариковскую

жизнь, надоевшие пустые фразы рассуждений по поводу абстрактно-научных тем. Дорогим и важным вновь стало то, что объединяло друзей в самом начале — не борьба, а живой интерес к человеку: «Ах, если б ты мог приехать сюда, хоть на одну минутку поглядеть мне на тебя и обнять по старой дружбе. Ведь наши прежние друзья ушли, и становится пусто на земле» [Письма: 305].

Хочется обратить внимание на тот факт, что на протяжении всего многолетнего письменного общения оба корреспондента часто использовали обращение «любезный друг». У Чичерина оно отсутствовало только в нескольких заграничных письмах весны 1861 г. Интересно, что финальное письмо Чичерина от декабря 1903 г. в плане обращения отличается от всех предыдущих: здесь появляется приветствие и пожелание здоровья, предваряющее письмо, а также превосходная форма прилагательного «любезный»: «Здравствуй, любезнейший друг!» [Письма: 304].

Несмотря на все сложности и споры, на поводы, так решительно разъединившие их в жизни, Толстой и Чичерин называли себя друзьями. Толстой не успел ответить Чичерину на его последнее, самое грустное и полное одиночества письмо, но глубоко символично, что слова Чичерина Толстой фактически повторил (тут и желание приехать, увидеться; и мотив утраты друзей, уходящих в вечность; и мотив одиночества) в послании к своему хорошему приятелю В. В. Стасову. В письме от 19 февраля 1904 г. Толстой писал: «Еще больше порадовался вашему намерению посетить нас на святой. Как сухие листья осенью, сыпятся мои друзья сверстники: Боборыкин, Чичерин. Покуда мы с вами держимся на ветке, будем видеться. Я своей жизнью очень доволен. Не стою того. До свидания» [Толстой 75: 42].

Список литературы
Источники

Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 331 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с. Т. 2. 528 с.

Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг.: Novum regnum, 1923. Т. 1. Ч. 1. С. 104–128. URL: http://az.lib.ru/c/chicherin_b_n/text_1881_zadachi_novogo_tzarstvovania.shtml (дата обращения: 10.02.2023)

Чичерин Б. Н. Наука и религия. М.: Тип. Мартынова и К°, 1879. 523 с.

Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М.: Изд-во Солдатенкова, 1862. 265 с.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип. Грачева и К°, 1866. 552 с.

Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 336 с.

Исследования

Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

Бахрушин С. В. Б. Н. Чичерин. Предисловие // *Чичерин Б. Н.* Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. С. 9–17.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

Евлампиев И. И. Актуальные уроки русского либерализма. Статья первая: критика западной традиции // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 90–99.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с.

Криницкая Г. С. Аграрный вопрос в исторической концепции Б. Н. Чичерина // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24–25 апреля 2009 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. С. 165–167.

Лакеев А. Е. Б. Н. Чичерин о целесообразности законодательного регулирования личных прав гражданина // Юридическая мысль. 2010. № 4 (60). С. 72–77.

Лобеева В. М. Религия, наука, философия: основные идеи и особенности концепции Б. Н. Чичерина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 2 (40). С. 59–72.

Медведев Н. В. Проблема человеческого достоинства в историческом измерении: размышления Б. Н. Чичерина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (142). С. 108–119.

Мендельсон Н. Письма Толстого к Б. Н. Чичерину // Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 9–15.

Можарова М. А. Л. Н. Толстой и И. В. Киреевский в литературных спорах 1850-х гг. // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Вып. 2. С. 271–292.

Морова О. В. Л. Н. Толстой и Б. Н. Чичерин // Л. Н. Толстой — мыслитель, художник, педагог и современность. М.: МГОГИ, 2011. С. 66–67.

Прончев К. Г. Религия и религиозные институты в воззрениях Б. Н. Чичерина // Человек, общество и культура в XXI веке. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2017. С. 114–117.

Прончев К. Г. Чичерин и Толстой: два взгляда на соотношение права и нравственности // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 335–348.

References

Andreeva, V. G. "Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L. N. Tolstogo" ["The Image of the Earth as One of the Epic Foundations of the Artistic Worlds of L. N. Tolstoy's Novels"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)

Bakhrushin, S. V. "B. N. Chicherin. Predislovie" ["B. N. Chicherin. Foreword"]. Chicherin, B. N. *Vospominaniia: v 2 t. [Memoirs: in 2 vols.]*, vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh Publ., 2010, pp. 9–17. (In Russ.)

Gusev, N. N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1855 to 1869]*. Moscow, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1957. 915 p. (In Russ.)

Evlampiev, I. I. "Aktual'nye uroki russkogo liberalizma. Stat'ia pervaiia: kritika zapadnoi traditsii" ["Actual Lessons of Russian Liberalism. Article One: Criticism of the Western Tradition"]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 2015, pp. 90–99. (In Russ.)

Zen'kovskii, V. V. *Istoriia russkoi filosofii [History of Russian Philosophy]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 880 p. (In Russ.)

Krinit'skaia, G. S. "Agrarnyi vopros v istoricheskoi kontseptsii B. N. Chicherina" ["The Agrarian Issue from the Historical Concept of B. N. Chicherin"]. *IV Emel'ianovskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kurgan, 24–25 apreliia 2009 g.) [IV Emelyanov Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kurgan, April 24–25, 2009)]*. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2009, pp. 165–167. (In Russ.)

Lakeev, A. E. "B. N. Chicherin o tselesoobraznosti zakonodatel'nogo regulirovaniia lichnykh prav grazhdanina" ["Chicherin on the Expediency of Legislative Regulation of the Personal Rights of a Citizen"]. *Iuridicheskaiia mysl'*, no. 4 (60), 2010, pp. 72–77. (In Russ.)

Lobeeva, V. M. "Religiia, nauka, filosofii: osnovnye idei i osobennosti kontseptsii B. N. Chicherina" ["Religion, Science, Philosophy: The Main Ideas and Features of the Concept of B. N. Chicherin"]. *Vestnik Pravoslav'nogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriiia 1: Bogoslovie. Filosofiiia. Religiovedenie*, issue 2 (40), 2012, pp. 59–72. (In Russ.)

Medvedev, N. V. "Problema chelovecheskogo dostoinstva v istoricheskom izmerenii: razmyshleniia B. N. Chicherina" ["The Problem of Human Dignity in the Historical Dimension: Reflections of B. N. Chicherin"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriiia: Gumanitarnye nauki*, no. 2 (142), 2015, pp. 108–119. (In Russ.)

Mendel'son, N. V. "Pis'ma Tolstogo k B. N. Chicherinu" ["Letters from Tolstoy to B. N. Chicherin"]. *Pis'ma Tolstogo i k Tolstomu. Iubileinyi sbornik [Letters from Tolstoy and to Tolstoy. Anniversary Collection]*. Moscow, Leningrad, State Publishing House Publ., 1928, pp. 9–15. (In Russ.)

Mozharova, M. A. "L. N. Tolstoi i I. V. Kireevskii v literaturnykh sporakh 1850-kh gg." ["L. N. Tolstoy and I. V. Kireevsky in Literary Disputes of the 1850s"]. *Tolstoi i o Tolstom. Materialy i issledovaniia [Tolstoy and about Tolstoy. Materials and Research]*, issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 271–292. (In Russ.)

Morova, O. V. “L. N. Tolstoi i B. N. Chicherin” [“L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin”]. *L. N. Tolstoi — myslitel', khudozhnik, pedagog i sovremennost'* [L. N. Tolstoy — A Thinker, an Artist, a Teacher and Modernity]. Moscow, Moscow State Regional Humanitarian Institute Publ., 2011, pp. 66–67. (In Russ.)

Pronchev, K. G. “Religiia i religioznye instituty v vozzreniiakh B. N. Chicherina” [“Religion and Religious Institutions in the Views of B. N. Chicherin”]. *Chelovek, obshchestvo i kul'tura v XXI veke* [Man, Society and Culture in the 21st Century]. Belgorod, Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy Publ., 2017, pp. 114–117. (In Russ.)

Pronchev, K. G. “Chicherin i Tolstoi: dva vzgliada na sootnoshenie prava i npravstvennosti” [“Chicherin and Tolstoy: Two Views on the Relationship Between Law and Morality”]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 3, 2020, pp. 335–348. (In Russ.)